
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-1-71-79
УДК 341

Дата поступления статьи: 19/ХІІ/2018

Дата принятия статьи: 16/І/2019

Б. Кривокапич

ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ИХ ИЕРАРХИЧЕСКОЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЕ (ЧАСТЬ 2)

Борис Кривокапич (krivokapicboris@yahoo.com), доктор права, профессор, ординарный профессор факультета бизнеса и права, Университет «Унион – Никола Тесла», 11000, Сербия, Белград, ул. Короля Душана, 62–64; профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема докторской диссертации: «Контроль за государственным управлением в Советском Союзе». Автор более 30 монографий и 130 научных статей, опубликованных в сербских и международных научных журналах и сборниках почти в 20 странах Европы, Америки и Азии, в т. ч.: «Международное публичное право» (2018), «Мир и война в международных отношениях и праве» (2017), «Проблемы современного международного публичного права» (2017).

Область научных интересов: международное публичное право, мягкое право в международном праве, международные споры, защита прав человека.

АННОТАЦИЯ

Вопрос об источниках международного права, о том, какие из них самые важные и каково иерархическое соотношение между ними, – не просто одна из важнейших, это «вечная проблема» науки и практики международного права. Ответ на него определяет отношение и к другим (конкретным) проблемам. Кроме того, это не раз и навсегда данная категория, она находится в постоянном развитии, а это означает, что к ней необходимо время от времени возвращаться и рассматривать ее в свете новых событий и отношений. По этой причине автор статьи и выбрал именно эту тему, стараясь раскрыть ее несколько иначе, чем это обычно принято в юридической литературе. Особое намерение заключалось в том, чтобы указать на относительность классификаций и выводов, а также на растущую роль решений международных организаций. Имелось также желание спровоцировать научную полемику по поводу поднятых вопросов. Статья состоит из трех частей. В первой приведен краткий обзор источников международного права, причем автор, в отличие от общепринятого подхода, проводит различие между главными и важнейшими источниками международного права. Во второй части рассматривается проблема важности и взаимосвязи важнейших источников международного права – международных договоров, международно-правовых обычаев и решений международных организаций. В третьей, заключительной части автор указывает на выявленные проблемы. Он особенно подчеркивает, что в международном праве не существует жесткой иерархии между нормами важнейших источников этого права, а также что в будущем в связи с неудержимыми процессами глобализации можно ожидать роста роли решений международных организаций.

Ключевые слова: источники права, международное право, международные договоры, международно-правовые обычаи, решения международных организаций.

Цитирование. Кривокапич Б. Важнейшие источники международного права и их иерархическое взаимоотношение (Часть 2) // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 1. С. 71–79. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-71-79>.

B. Krivocapich**MAIN SOURCES OF INTERNATIONAL LAW AND THEIR HIERARCHICAL RELATIONSHIP (PART 2)**

Boris Krivocapich (krivokapichboris@yahoo.com), Doctor of Law, professor, Ordinary Professor of Faculty of Business and Law, **University «Union – Nikola Tesla»**, 62–64, Cara Dushana, Belgrade, 11000, Serbia; professor of the Department of theory and history of state and law and international law, **Samara National Research University**, 34, Moscovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Control over state administration in the Soviet Union». Author of more than 30 monographs and 130 scientific articles published in Serbian and international scientific journals and collections in almost 20 countries of Europe, America and Asia, including a textbook: «Public international law» (2018), «Peace and war in international relations and law» (2017), «Problems of modern public international law» (2017).

Research interests: public international law, soft law in international law, international disputes, protection of human rights.

ABSTRACT

The question of the sources of international law, which of them are the most important and the hierarchical relationship between them is not one of the most important, but at the same time the «eternal problem» of science and practice of international law. The answer determines the attitude to other (specific) problems. In addition, this category is changeless, it is in constant development, which means that it is necessary to return to it from time to time and consider it in the light of new events and relationships. For this reason, the author of the article chose this particular topic, trying to reveal it in a slightly different way than is customary in legal literature. A special intention was to point out the relativity of classifications and conclusions, as well as the growing role of decisions of international organizations. There was also a desire to provoke a scientific debate about the issues raised. The article consists of three parts. The first provides a brief overview of the sources of international law, and the author, unlike the generally accepted approach, distinguishes between the main and most important sources of international law. The second part deals with the problem of importance and interrelation of the most important sources of international law - international treaties, international legal customs and decisions of international organizations. In the third and final part, the author points to the identified problems. He particularly emphasizes the fact that in international law there is no rigid hierarchy between the norms of the most important sources of this right, as well as the fact that in the future, due to the irrepressible processes of globalization, we can expect an increase in the role of decisions of international organizations.

Key words: sources of law, international law, international treaties, international legal customs, decisions of international organizations.

Citation. Krivocapich B. *Vazhneishie istochniki mezhdunarodnogo prava i ikh ierarkhicheskoe vzaimootnoshenie (Chast' 2)* [Main sources of international law and their hierarchical relationship (Part 2)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 1, pp. 71–79. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-71-79> [in Russian].

1. Международные договоры

Международные договоры существуют практически со времен возникновения первых государств и их официальных контактов. Древнейшие сохранившиеся договоры насчитывают около 4300 лет, а известны и более древние. Одной из первых норм международного права является норма, гласящая, что договоры должны соблюдаться (*pacta sunt servanda*). И хотя в ходе истории было достаточно примеров грубого нарушения этой нормы, вне всякого сомнения, в большинстве случаев она все-таки соблюдалась. В целом, если бы не эта норма, давно перестали бы существовать и международные договоры (государства перестали бы их заключать – кому нужны договоры, которые

не соблюдаются?), и, вполне вероятно, само международное право.

И в наше время международные договоры в широком смысле, несомненно, являются важнейшими источниками международного права. Более того, они стоят на первом месте как в ст. 38/1 Статута Международного суда, так и в систематических и других исследованиях теоретиков. Еще важнее то, что они в сравнении с остальными источниками международного права во многом их превосходят. Принятие международных договоров является результатом согласования волей заинтересованных сторон (прежде всего государств), т. к. многие из них наряду с функцией урегулирования определенного круга отношений также играют

роль в формировании международно-правовой системы. По сравнению с международно-правовыми обычаями они, как правило, являются и более новыми (более современными, больше отвечающими потребностям жизни), и более полными, и, что особенно важно, намного более точными. Именно по этим причинам практика международных судов в случае расхождения между международным договором и обычными нормами предпочтение отдавала договорам. Когда речь идет об их сопоставлении с решениями международных организаций, достаточно напомнить, что большинство этих решений не обязательно юридически, а договор, напротив, представляет собой строгое юридическое обязательство для договаривающихся сторон, нарушение которого является деликтом в международном праве. Тем не менее следует учитывать и некоторые ограничения.

Прежде всего не все международные соглашения, в том числе и заключенные между государствами, юридически обязательны. Существуют различные соглашения, которые в лучшем случае относятся к так называемому мягкому праву. Таковы различные политические соглашения (например, о вечной дружбе), джентльменские соглашения и т. д. [1, с. 55–62].

Вместе с тем с учетом разделения правовых норм, в том числе и норм международного права, на диспозитивные и императивные (абсолютно обязательные, *jus cogens*) следует отметить, что международные договоры содержат не только императивные, но и диспозитивные нормы. Иными словами, те нормы, от которых допускается отступление волей договаривающихся сторон. Ясно, что в случае коллизии диспозитивных норм, содержащихся в международном договоре, и императивных (абсолютно обязательных), прописанных в каком-либо другом источнике международного права, большей юридической силой, а значит, и превосходством будут обладать абсолютно обязательные нормы.

Говоря коротко, международные договоры, бесспорно, относятся к важнейшим источникам международного права. И в практике в случае спора, как правило, в целях его разрешения обращаются именно к договору. Однако это не означает, что международные договоры, а особенно их конкретные решения во всех случаях превосходят нормы остальных источников права.

2. Международно-правовые обычаи

Международно-правовые обычаи также уходят корнями в далекое прошлое. Фактически, по логике вещей, первые правовые нормы, в том числе и нормы международного права, возникли путем обычая.

Можно было бы подумать, что в наше время значимость международно-правовых обычаев резко снизилась. Однако такой вывод был бы неправильным по многим причинам.

Несмотря на то что в большинстве случаев при возникновении разногласий или споров пре-

имущество отдается международным договорам, нельзя утверждать, что они в каждом случае иерархически стоят выше обычных правовых норм.

Прежде всего и обычаи, и договоры могут содержать когентные (императивные) нормы (*jus cogens*). Они всегда обладают большей юридической силой, чем диспозитивные нормы. Иными словами, такие обычные нормы обладают превосходством над диспозитивными нормами, содержащимися в международном договоре. Более того, существуют определенные обычаи, которые благодаря своему значению считаются общими принципами международного права, его основами. Разумеется, что этим принципам не могут противоречить никакие другие нормы, в том числе содержащиеся в договоре.

Наряду с этим и сама практика показывает, что гораздо более частым является случай, когда договоры меняют или упраздняют обычные правовые нормы, хотя встречаются и противоположные примеры. Тем не менее международно-правовые обычаи не есть пережиток прошлого. Они возникают и сейчас, получая возможность порой менять определенные договорные решения.

Существует еще один интересный момент, который не относится непосредственно к взаимному иерархическому соотношению международных договоров и международно-правовых обычаев, но ясно указывает на важность этих обычаев. Так, в отличие от международных договоров, связывающих только договаривающиеся стороны, универсальные (общие) международно-правовые обычаи, возникнув однажды, становятся юридически обязательными для всех, в том числе и для государств, не принимавших участия в их возникновении. Таким образом, они являются источником международного права (обязательных правил поведения) и для государств, которые не приняли какой-либо договор, кодифицирующий определенную область.

Вкратце, несмотря на то, что в целом в практике международные правовые обычаи имеют меньшее значение, чем международные договоры, нельзя сказать, что в иерархии они всегда расположены на более низком уровне. Наоборот, иногда они обладают большей юридической силой.

Как и в случае международных договоров, здесь также необходимо указать на некоторое ограничение. Все сказанное относится к международным *правовым* обычаям. Кроме них существуют и *простые* международные обычаи, у которых отсутствует второй конститутивный элемент – убежденность в правомерности и необходимости (*opinio jure sive necessitatis*). Они не выступают источниками международного права, поскольку являются не частью права, а частью какой-либо другой нормативной системы (морали, этикета и т. п.).

3. Решения международных организаций

Говоря наиболее упрощенно, решения международных организаций (точнее, их компетентных органов) являются их односторонними правовыми актами.

Несмотря на то что государства учреждают международные организации и оказывают решающее влияние на их работу (финансируют их, обеспечивают им штаб-квартиру, предоставляют им и их сотрудникам необходимые привилегии и иммунитеты, принимают решения о преобразовании или прекращении деятельности международной организации и т. д.), международные организации, однажды возникнув, становятся самостоятельными субъектами международного права, обладающими своей собственной волей. Даже когда решение принимается под сильным влиянием группы государств-участников, оно является волеизъявлением самой организации, а не непосредственно государств, состоящих в членстве. Решения принимают не государства, а компетентные органы организации (как правило, пленарный или исполнительный орган) в рамках своей компетенции и возложенных на них полномочий в соответствии с утвержденной процедурой как результат более или менее выраженного компромисса с учетом целей и интересов самой организации.

Такие решения, как правило, именуются резолюциями, однако могут носить и другие названия. Наибольшее количество решений международных организаций не имеют юридически обязательной силы, а представляют собой своего рода рекомендации, выражение мирового или регионального общественного мнения и т. п.

Тем не менее, вне всякого сомнения, некоторые решения органов международных организаций относятся к источникам международного права. В их числе прежде всего различные акты, касающиеся жизнедеятельности и функционирования самой организации – разнообразные регламенты, процедурные правила, правила внутреннего распорядка и т. д.

Особенно важно отметить рост количества решений органов международных организаций, обязательных для государств-членов, а в некоторых случаях даже для государств, не являющихся их членами. Таким образом, они, бесспорно, являются источниками международного права.

В связи с этим возникает вопрос, можно ли отнести решения международных организаций к важнейшим источникам международного права и, в частности, могут ли они в некоторых случаях обладать большей юридической силой, чем остальные важнейшие источники международного права – международные договоры и международно-правовые обычаи.

Не углубляясь в изучение природы, классификаций, способов принятия и других вопросов, касающихся решений международных организаций, так как это представляет собой отдельную проблему (особую сложность которой обуславливает большое количество и разнородность международных организаций), мы в данной работе рассмотрим всего несколько интересных моментов.

В первую очередь ранее уже говорилось, что абсолютно обязательные нормы имеют превосходство над диспозитивными. Следовательно, импе-

ративные также обладают большей юридической силой, чем диспозитивные нормы международных договоров или международных обычных правовых норм.

Однако реальность гораздо сложнее. Она предлагает нам и конкретные примеры, в которых определенные решения международных организаций (даже если было не вполне ясно, содержат ли они императивные нормы) удавалось навязать как обладающие большей юридической силой, чем международные договоры или международные правовые обычаи, даже когда они содержали решения императивного характера (часть *jus cogens*).

Приведем всего несколько примеров, одни из которых касаются соотношения решений международных организаций с международно-правовыми обычаями, а другие – их соотношения с международными договорами. Прежде будет приведен очень сжатый обзор решений органов так называемых надгосударственных организаций как отсылительно нового и во многом специфического явления.

1. Решения надгосударственных международных организаций. В современной действительности существуют так называемые надгосударственные международные организации – образования, находящиеся на пути от обычной международной организации к своего рода новой супер(державе). Сегодня единственным истинным примером такой организации является Евросоюз, хотя по его стопам идут и некоторые другие формы региональной интеграции.

В данной работе особый интерес представляет факт, что в Европейском союзе функционирует и развивается так называемое коммунитарное право, состоящее из норм, имеющих различное происхождение и юридическую силу [2, с. 125–144]. Часть этого права представляют собой решения органов Европейского союза, некоторые из которых являются юридически обязательными как для членов, так и для других субъектов, на которых они распространяются (включая юридические и физические лица), и непосредственно (без ратификации и т. д.) применяются каждым государством-членом.

Нет никакого сомнения, что определенные решения Европейского союза являются источниками международного права. Здесь мы не будем углубляться в вопрос, может ли такое решение, будучи расцененным как незаконное или расходящееся с общим международным правом, подвергаться юридической атаке в соответствующих учреждениях, а если может, то каким образом. Важно, что оно в принципе обладает большей юридической силой, чем другие (национальные и международные) источники права.

2. Решения остальных международных организаций. Случаи, в которых решение международной организации наделено большей юридической силой, чем императивные решения международно-договора или международно-правового обычая, т. е. занимает в иерархии вышестоящее положение,

можно найти и в практике других («обычных») международных организаций. Это иллюстрируют несколько конкретных примеров, в первую очередь связанных с практикой Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН [3, с. 879–906].

В частности, хорошо известно, что решения Совета Безопасности имеют исключительное значение не только потому, что речь идет о главном органе важнейшей всемирной организации. Резолюция Совета, принимаемая на основе Главы VII Устава ООН («действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии»), является обязательной для всех государств-членов, а в некоторых случаях и государств, не являющихся членами. Значение этого решения возрастает с учетом того, что Устав (ст. 103) недвусмысленно провозгласил самого себя важнейшим международным договором современного международного права, уточняя: «В том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу».

1. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, которыми изменено существующее или создано новое обычное международное право. Целый ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН поставил под вопрос действовавшее в то время обычное международное право или стал первым шагом к рождению нового, иного обычного права.

Иными словами, несмотря на то, что в момент своего принятия эти документы не обладали большей юридической силой, чем существовавшие в то время международные обычные нормы, они самим своим существованием ставили под угрозу эти нормы, оспаривали их и одновременно создавали основы для скорого формирования новых обычных норм.

Так, например, когда Генеральная Ассамблея ООН Резолюцией 217 (1948) приняла Всеобщую декларацию прав человека, тем самым был произведен радикальный сдвиг в отношении всего того, что входит в сферу исключительной компетенции государств. В нее, помимо прочего, традиционно входили вопросы, касающиеся положения граждан (подданных) государств. Однако Декларация, провозгласившая, что все люди имеют перечисленные в ней права и свободы, пошатнула норму, согласно которой права человека являлись предметом исключительной компетенции государств. Впрочем, следует принять во внимание, что из 56 голосовавших 48 проголосовали «за», 8 воздержались, и никто не проголосовал против.

Есть и другие примеры. Когда 04.10.1957 года Советский Союз произвел запуск искусственного спутника (*Спутник 1*), ни одно государство не выразило протест, несмотря на то, что он в процессе полета проходил через пространства, которые, согласно действовавшей тогда теории, и, условно говоря, некоторому виду обычного права (условно говоря, потому что не было практической деятель-

ности в космосе), представляли собой часть государственной территории других стран (их воздушное и прилегающее пространство). Протестов не последовало и тогда, когда были запущены новые советские, а затем и американские искусственные спутники. Наоборот, члены ООН вскоре посредством ряда резолюций Генеральной Ассамблеи ООН выразили правовую убежденность в свободе исследования и использования космоса (космических полетов) и в том, что космос является всеобщим достоянием [4].

Некоторые авторы считают, что в действительности здесь идет речь о возникновении так называемого моментального (мгновенного) обычая (*instant custom*). И хотя такое обоснование чрезмерно и по многим причинам несостоятельно, фактически упомянутые резолюции означали отрицание существовавших на тот момент норм международного права, касающихся пространственного предела суверенитета государств (который в высоту простирался до бесконечности), и первый шаг к возникновению новых, иных международных обычных норм. Возникновение этих новых международно-правовых обычаев действительно произошло очень быстро, хотя и не одномоментно. Однако еще до того, как появилась возможность с уверенностью констатировать рождение нового международно-правового обычая (о свободе исследования и освоения космоса), резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН был нанесен смертельный удар по существовавшей до тех пор обычной норме.

2. Попытки провозгласить решения и действия некоторых международных организаций новым международным обычным правом. В современной практике предпринимались и тщательно срежиссированные попытки представить определенные решения некоторых международных организаций в качестве доказательств появления некоего нового международного обычного права. Имеются в виду решения и основанные на них действия, которыми грубо нарушались не только нормы действующего международного права, но и его основные принципы.

Одним из наиболее широко известных примеров является агрессия НАТО против Югославии в 1999 г. Несмотря на то что она, вне всякого сомнения, означала открытое нарушение принципа, запрещающего применение силы в международных отношениях, и ряда других основных принципов современного международного права, а также множества международных договоров, в том числе даже конституционных и законодательных норм государств-агрессоров [5, с. 207–240], определенной частью западной правовой науки была предпринята попытка оправдать это решение и действие и представить его в качестве законного. Этого можно было ожидать, так как доктрина, к сожалению, зачастую стоит на службе политики.

Здесь важно кое-что другое. Даже те выдающиеся западные теоретики, которые в интересах своей

профессиональной чести должны были признать, что бомбардировки Югославии представляли собой грубое нарушение международного права, попытались найти оправдание в утверждении, что в результате этого акта возникло новое обычное право, согласно которому при сочетании определенных условий группа государств может законно прибегнуть к применению силы, даже в случае отсутствия одобрения Совета Безопасности [6, с. 23–30]. Иными словами, была предпринята попытка использовать классический акт агрессии как доказательство предполагаемого возникновения нового обычного права на осуществление так называемой гуманитарной интервенции. Одновременно была запущена целая волна публикаций и акций в поддержку так называемого нового интервенционизма. В действительности же речь шла о попытке узаконить право единственной в то время супердержавы осуществлять вооруженную интервенцию, когда угодно и против кого угодно [7, с. 567–632].

Таким образом, одно конкретное решение и основанное на нем действие должны были послужить правовым основанием для насаждения некой новой нормы международного права, согласно которой запрет применения силы в международных отношениях не является абсолютным в том смысле, что иногда некоторые государства обладают полномочиями, позволяющими им на основе собственной оценки и собственного решения, без мандата Совета Безопасности, использовать военную силу против других стран. К счастью, эта инициатива встретила довольно сильное сопротивление как в правовой науке, так и в практике, а затем с изменением политической картины мира, то есть соотношения сил на международной арене, от этого замысла в конечном счете отказались.

3. *Раздел Палестины.* Генеральная Ассамблея ООН Резолюцией № 181 от 29.11.1947 предусматривала прекращение британского мандата над Палестиной не позднее 01.08.1948 и раздел этой территории, в результате которого создавались два независимых государства (арабское и еврейское), а в отношении города Иерусалима, определяемого как *corpus separatum*, действовал особый международный режим. Однако это встретило острое сопротивление арабского мира, который рассматривал данное решение как принудительное и несправедливое (арабы выступали за единое независимое государство, в котором они представляли бы численное большинство).

Уже 15.05.1948, на следующий день после основания Израиля как независимого еврейского государства с городом Тель-Авив в качестве столицы, вспыхнула Арабо-израильская война, продолжавшаяся до 20.07.1949, вследствие чего решение Резолюции № 181/1947 так никогда и не было реализовано. Вместо этого последовали более или менее открытые конфликты между Израилем и Палестиной, то есть Израилем и его арабскими соседями.

Мы приводим здесь этот эпизод, потому что Резолюция, с учетом решений [8] ООН являвшаяся общим правовым актом и, соответственно, источ-

ником права, была принята способом, который не учитывал интересы всех сторон и даже не соответствовал положениям, то есть принципам и духу Устава ООН. Организация Объединенных Наций ни тогда, ни сегодня не обладает полномочиями разделять землю между народами, основывать новые государства и тому подобное. Впрочем, вопреки основной цели и задаче Организации Объединенных Наций, которая заключается в поддержании международного мира и безопасности, сразу было ясно, что решение, предусмотренное Резолюцией, приведет не к миру, а наоборот, к трениям и конфликтам. Особенно нужно подчеркнуть, что даже на Генеральной Ассамблее ООН эта резолюция не была принята единогласно – за нее проголосовали 33, против 13, воздержались 10 членов. Соответственно, столь важное решение было принято всего 58,9% голосовавших.

Тем не менее Резолюция была принята и только по причине развития политических событий не обеспечила запланированные правовые последствия. Что здесь особенно важно – ее никто никогда не отменял и не объявлял незаконной.

4. *Миротворческие миссии.* Решения об отправке миротворческих миссий ООН, а также некоторых региональных организаций представляют собой источники международного права. Они (особенно такие резолюции Совета Безопасности, которые приняты на основании Главы VII Устава ООН) являются юридически обязательными для государств.

Следует отметить, что речь идет не только о решении отправить на определенную территорию международную миротворческую миссию. Решением об отправке регулируется и ряд важных вопросов, существенных для функционирования и юридического статуса миссии, таких как ее состав, задачи и полномочия; основные обязанности миссии (соблюдать международное гуманитарное право и международное право в области прав человека, предоставлять организации информацию по всем важным вопросам и представлять ей отчеты и т. д.); обязательство государств сотрудничать с миссией и предоставлять ей необходимую помощь и привилегии и т. д. Наряду с этим некоторыми резолюциями, принятыми в недавнее время, предусматривается также обязательство государств, чьи национальные контингенты входят в состав международных сил, принимать необходимые меры по расследованию преступлений, предположительно совершенных военнослужащими их контингента, и наказание виновных или высылка подразделений в случае представления достоверных доказательств совершения преступлений [9].

Высказанные замечания в значительной мере относятся и к другим подобным миссиям, учреждаемым по решению международных организаций, таким как, например, некоторые военные операции НАТО и Европейского союза в водах Сомали и прилегающих к ним в целях борьбы с пиратством.

5. *Учреждение уголовных трибуналов ad hoc.* Резолюциями Совета Безопасности № 827 (1993) и 955 (1994), которыми были учреждены уголовные трибуналы *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде, были утверждены и уставы этих органов. Иными словами, в этом случае речь шла об общих правовых актах, а не только о чистых решениях об учреждении таких органов. Обе резолюции были приняты со ссылкой на Главу VII Устава ООН, а это означает, что они являются юридически обязательными для государств-членов.

В этих случаях Совет вышел за рамки своей компетенции и роли, которая отведена ему Уставом ООН, так как ни его функция, ни что-либо другое в Уставе ООН не наделяют его полномочием осуществлять преследование и наказание виновников военных преступлений или основывать международные уголовные суды.

В конкретных случаях Совет Безопасности сначала не сумел своевременно адекватно отреагировать и предотвратить конфликты в бывшей Югославии и Руанде, то есть не выполнил свою основную функцию, заключающуюся в поддержании международного мира и безопасности. Вместо того чтобы не допустить вспышки или расширения этих конфликтов (в этом случае не произошли бы военные преступления и преступления против человечности или их было бы несопоставимо меньше), Совет сам себе дополнительно дал право навязать международные уголовные трибуналы *ad hoc* по указанным странам. Как бы ни рассматривалась эта ситуация, неизбежно напрашивается вывод, что своими решениями трибуналы учредил орган, не имевший на это полномочий, незаконным способом урегулировав при этом по собственному усмотрению целый ряд важных вопросов.

Здесь для нас представляет интерес факт, что учреждение этих трибуналов нарушило целый ряд императивных норм международного договорного и обычного права, в том числе заложенных в основу самого Устава ООН. Речь идет о решениях, касающихся суверенных прав государств, компетенции государств, полномочий Совета Безопасности ООН, определяемых Уставом ООН, и т. д. Кроме того, нарушен и ряд общих принципов права, среди которых принцип независимости судов и судей (поскольку суды основаны как вспомогательные органы Совета Безопасности, являющегося исполнительным органом ООН); принцип запрета обратной силы (неретроактивности) уголовных законов (так как уставы судов были приняты после того как преступления были совершены и т. д. [10, с. 7–55]).

Тем не менее, несмотря на то, что учреждение и функционирование упомянутых органов с первого дня было предметом множества обвинений и споров, фактически указанные резолюции Совета Безопасности были реализованы на практике. Трибуналы функционируют уже более 20 лет, они вынесли приговоры по многим делам, многие лица отбывают наказание в виде тюремного заключения по этим приговорам и т. д. Особо сле-

дует отметить, что государства, некоторое время с возмущением противившиеся учреждению этих судов, позднее уступили под давлением, приняли собственные законы о сотрудничестве в соответствующем трибуналом и на практике с ним сотрудничали.

6. *Санкции ООН и других международных организаций.* В данной работе мы не будем поднимать вопрос о том, что такое санкции в международном праве и каковы их виды [11, с. 70–92], достаточно отметить, что санкции могут применять не только государства, но и определенные международные организации.

Они могут делать это только в границах своей компетенции, которая установлена уставом данной организации или ее учредительным договором. Это означает, что санкции международных организаций ограничены двумя основными способами: 1) самой областью международного права, входящей в компетенцию соответствующей организации, и 2) с точки зрения выбора мер, которые могут предприниматься в отношении нарушителя (так как они заранее определены высшим правовым актом организации). Санкции налагает (принимает решение об их введении) компетентный, уполномоченный уставом орган организации.

Эти санкции могут заключаться, в частности, в приостановлении прав члена соответствующего государства; исключении из членов организации; приостановлении оказания технической, финансовой и иной помощи, оказываемой организацией данному государству; ограничении уровня товарооборота; замораживании финансовых средств соответствующего государства за рубежом; ограничении свободы передвижения государственных деятелей или граждан данного государства (коллективный отказ в выдаче виз); эмбарго на ввоз оружия; дипломатических санкциях; морально-политическом осуждении компетентным органом организации, вплоть до принятия принудительных мер против определенного государства (меры, находящиеся в распоряжении Совета Безопасности ООН). Природа этих актов и способ их введения (определения) таковы, что они могут рассматриваться в качестве общих норм, а значит, источников международного права.

С другой точки зрения, этими решениями приостанавливается действие норм международного договорного и обычного права о дружественном сотрудничестве между государствами.

Более того, существуют примеры того, как международные организации в некоторых случаях принимали решения о санкциях (а затем заботились об их последовательной реализации), несмотря на то что не были уполномочены ни своим учредительным договором, ни какой-либо другой нормой международного права. Тем самым они в некотором смысле ставили свои решения выше всемирной правовой системы, определяемой другими источниками международного права.

Так, Совет Безопасности в новейшей практике определенными решениями о санкциях вышел за

закрепленные Уставом ООН рамки, ограничивающие его в этом отношении. Конкретно, в соответствии с так называемым «креативным толкованием» Устава ООН он со ссылкой на Главу VII Устава начал вводить санкции не только против государств, но и против групп и даже индивидов [12, с. 23–100; 13, с. 1393–1442; 14, с. 531–558; 15, с. 587–604]. Так, несмотря на то, что ни в каких источниках он не уполномочен на это Уставом ООН, Совет Безопасности вводил санкции против лиц, которые, по его оценке, препятствуют процессу мирного урегулирования, несут ответственность за нарушение гуманитарного права или тяжкого нарушения прав человека, прямо или косвенно участвуют в пиратской деятельности и т. д. Эти санкции состояли в замораживании финансовых средств соответствующих лиц, ограничении свободы передвижения этих лиц (отказе в выдаче визы) и запрете на поставку оружия и военной техники этим лицам и т. п.

Во всех этих случаях санкции являлись чем-то юридически обязывающим для государств-членов, претендующим на обладание большей юридической силой, чем остальные нормы международного права. Государствам не была дана возможность со ссылкой на какой-либо международный договор или международно-правовой обычай отказаться от реализации мер, предусмотренных Советом Безопасности, даже тогда, когда его право принимать решение об этих мерах было спорным (санкции против групп и индивидов).

Различные виды санкций против государств и их официальных лиц, а также других субъектов, в том числе индивидов, по разным причинам вводили и Европейский союз, Африканский союз, АСЕАН, Лига арабских государств и другие международные организации [16].

Заключение

Согласно вышесказанному, категория важнейших источников международного права не совпадает с тем, что в теории обычно называется основными источниками этого права. Это происходит потому, что к важнейшим источникам, несомненно, относятся и некоторые решения международных организаций, однако в то же время среди них нет места для общих принципов права, которые традиционно входят в число основных источников международного права.

Наконец, даже если свести все только к императивным нормам, содержащимся в договорах, обычаях и решениях международных организаций, среди них невозможно установить некую во всех случаях действующую иерархическую структуру. В современной практике действительно наибольшее значение имеют данные нормы, содержащиеся в международных договорах. Однако случается, что большей юридической силой обладают подобные нормы, содержащиеся в международно-правовых обычаях и определенных решениях некоторых международных организаций. Это требует внимательного изучения каждой ситуации.

Особенно следует отметить, что наряду с тем, что большинство решений международных организаций все еще не только несопоставимо с договорами и обычаями по юридической силе, а зачастую даже не является источниками международного права (сводится к рекомендациям и т. д.), в последнее время значение решений международных организаций растет. Это является естественным следствием усиления роли самих международных организаций. С полным основанием можно ожидать, что в ходе неуклонного процесса мировой интеграции (глобализации) и превращения мира в единое общество значение этих решений будет увеличиваться и они будут постепенно вытеснять международные договоры и международные правовые обычаи.

Библиографический список

1. Кривокапич Борис. Мягкое право в международном праве // *Composite Materials, Ecology, Information Technology, Economics and Law: International Conference / Lutovac Mitar (ed.)*. Tivat: ELaSa, 2017.
2. Hartley T.C., Barchardt Klaus-Dieter. Moorhead Timothy (2012). P. 125–144.
3. Öberg Marko. The Legal Effects of Resolutions of the UN Security Council and General Assembly in the Jurisprudence of the ICJ // *European Journal of International Law*, 2006, Vol. 16, no. 5, pp. 879–906.
4. Резолюции 1348/1958, 1472/1959, 1721/1961, 1802/1962, 1962/1963 и др.
5. Krivokapić Boris. NATO Aggression on Yugoslavia as an Assault of International Law // *International Law and the Interventionism in the 'New World Order': From Iraq to Yugoslavia*. Madrid, 2007, pp. 207–240.
6. Cassese Antonio. Ex injuria jus oritur: Are We Moving Towards International Legitimation of Forcible Humanitarian Countermeasures in the World Community? // *European Journal of International Law*, 1/1999, pp. 23–30.
7. Кривокапић Борис. Актуелни проблеми међународног права, Београд, 2011.
8. Resolution 181 (II) Future government of Palestine, 29 November 1947, posebno deo «Part III: City of Jerusalem». URL: [www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/181\(II\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/181(II)) (accessed 11.11.2017).
9. Резолюция Совета Безопасности ООН № 2372 (2017), касающаяся миссии Африканского союза в Сомали (AMISOM). URL: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2372\(2017\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2372(2017)) (accessed 11.11.2017).
10. Кривокапић Борис. Санкције у међународном праву // *Правни живот*, 12/2013, pp. 125–140.
11. Кривокапић Борис. Међународно јавно право. Београд, 2017.
12. Al-Qaysi Riyadh. The Legal and Humanitarian Actions of the United Nations Against Iraq Pursuant to the Gulf War // *International Law and Interventionism in the 'New World Order'*. Madrid, 2000, pp. 23–100.
13. Calamita Jansen N. Sanctions, Countermeasures and the Iranian Nuclear Case // *Virginia Journal of Transnational Law*, 5/2009, pp. 1393–1442.

14. Abass Ademola, White Nigel. Countermeasures and Sanctions // *International Law* / Malcolm D. Evans (ed.). Oxford University Press, 2010, pp. 531–558.

15. Culvahouse Arthur B. A practical guide to international sanctions law and lore: mamas, don't let your children grow up to be sanctions lawyers // *Houston Journal of International Law*, 3/2010, pp. 587–604.

16. Hellquist Elin (2014). European Union restrictive measures (sanctions) in force. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/restrictive_measures-2017-01-17-clean.pdf (accessed 11.11.2017).

References

1. Krivokapić Boris (2017) *Miagkoe pravo v mezhdunarodnom prave* [Mild law in international law]. In: Lutovac Mitar (ed.): *International Conference: «Composite Materials, Ecology, Information Technology, Economics and Law»*, Tivat: ELaSa, 2017 [in English].

2. Hartley T.C. (2010), Barchardt Klaus-Dieter (2010). Moorhead Timothy (2012), pp. 125–144 [in English].

3. Öberg Marko. The Legal Effects of Resolutions of the UN Security Council and General Assembly in the Jurisprudence of the ICJ. *European Journal of International Law*, 2006, Vol. 16, no. 5, pp. 879–906 [in English].

4. *Rezoliutsii 1348/1958, 1472/1959, 1721/1961, 1802/1962, 1962/1963 i dr.* [Resolutions 1348/1958, 1472/1959, 1721/1961, 1802/1962, 1962/1963 and others] [in Russian].

5. Krivokapić Boris. NATO Aggression on Yugoslavia as an Assault of International Law. *International Law and Interventionism in the New World Order: From Iraq to Yugoslavia*. Madrid, 2007, pp. 207–240 [in English].

6. Cassese Antonio. Ex injuria jus oritur: Are We Moving Towards International Legitimation of Forced Humanitarian Countermeasures in the World Community? *European Journal of International Law*, 1999, no. 1, pp. 23–30 [in English].

7. Krivokapić Boris. Актуелни проблеми међународног права [Current Problems of International Law]. Belgrade, 2011 [in Serbian].

8. Resolution 181 (II) Future government of Palestine, 29 November 1947, in particular Part III: City of Jerusalem. Available at: [www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/181\(II\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/181(II)) (accessed 11.11.2017) [in English].

9. Rezoliutsiia Soveta Bezopasnosti OON № 2372 (2017), kasaiushchiusia missii Afrikanskogo soiuza v Somali (AMISOM) [Resolution of the Security Council of UN No. 2372 (2017), concerning the missions of the African Union in Somalia (AMISOM)]. Available at: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2372\(2017\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2372(2017)) (accessed 11.11.2017) [in English].

10. Krivokapić Boris. Санкције у међународном праву [Sanctions in International Law]. Правни живот [Legal Life], 2013, no. 12, pp. 125–140 [in Serbian].

11. Krivokapić Boris. Међународно јавно право [International Public Law]. Belgrade, 2017 [in Serbian].

12. Al-Qaysi Riyadh. The Legal and Humanitarian Actions of the United Nations Against Iraq in the Gulf War. *International Law and Interventionism in the «New World Order»*. Madrid, 2000, pp. 23–100 [in English].

13. Calamita Jansen N. Sanctions, Countermeasures and the Iranian Nuclear Case. *Virginia Journal of Transnational Law*, 2009, no. 5, pp. 1393–1442 [in English].

14. Abass Ademola, White Nigel. Countermeasures and Sanctions. *International Law*. Malcolm D. Evans (ed.). Oxford University Press, 2010, pp. 531–558 [in English].

15. Culvahouse Arthur B. A practical guide to international sanctions law and lore: mamas, do not let your children grow up to be sanctions lawyers. *Houston Journal of International Law*, 2010, no. 3, pp. 587–604 [in English].

16. Hellquist Elin (2014) European Union restrictive measures (senes) in force. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/restrictive_measures-2017-01-17-clean.pdf (accessed 11.11.2017) [in English].